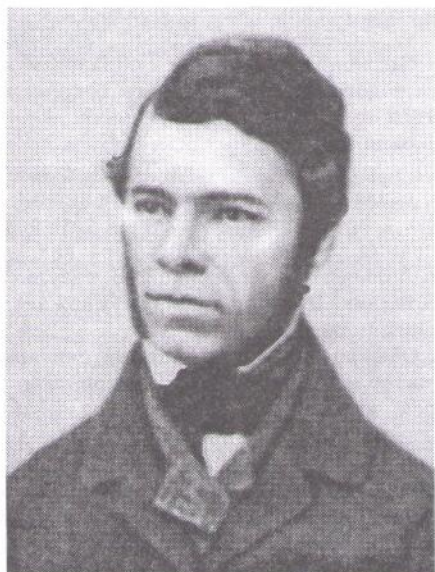

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Реальное отделение в Санкт-Петербургском университете и его питомцы

Павел Антонович Ильенков

Ильдефонс Казимирович Коссов

Двадцать девятого марта 1839 г. Николай I объявил о своем желании «доставить производительному классу новые средства к приобретению технических познаний», для чего в Москве учреждалась III гимназия с двумя курсами (отделениями) — реальным и классическим, а также, «на первых порах», открывались реальные классы при гимназиях и уездных училищах Тулы, Курска, Вильны, Керчи и Риги. Необходимо, но несколько запоздало решался и вопрос о том, кто будет преподавать технические познания: тем же днем датировано постановление по Министерству народного просвещения (далее — МНП) «О приготовлении в С.-Петербургском университете шести студентов для занятия мест учителей технических наук в реальных классах». Инициатором нового начинания в российском просвещении был министр финансов гр. Е.Ф.Канкрин, стремившийся всеми доступными ему средствами поднять и развить русскую промышленность и много занимавшийся развитием технического образования; его же министерство выделяло средства на содержание и обучение студентов реального отделения.

Летом этого года министр народного просвещения С.С.Уваров предложил попечителю С.-Петербургского учебного округа подготовить в университете 6 студентов в соответствии с Высочайшим постановлением. Студенты обязывались оправдать затраченные на них средства, прослужив по учебному ведомству не менее 6 лет. Молодым людям «с нужными познаниями, дарованиями и склонностью к техническим наукам» в процессе обучения предполагалось дать «совершенно специальное направление. В январе 1840 г. попечитель сообщил Уварову, что студенты в реальное отделение избраны, но пока, как и все первокурсники 2-го отделения (т.е. отделения естественных наук) физико-математического факультета, «слушают одни и те же науки». Вот список этих студентов: Андрей Глушицкий, Павел Ильенков, Модест Мудров, Александр Федоров, Константин Андреевский-Александрович и Ильдефонс Коссов.

Вместе со всеми студентами-естественниками «реалисты» слушали лекции по физике и физической географии, минералогии, ботанике, зоологии, химии, земледелию, по математике (в сокращенном объеме), а также изучали Закон Божий, новые иностранные языки и такие науки, как «Права состояния» и «Государственные учреждения». «Для технических же наук, — как сообщает А.С.Воронов, — преподавание которых начиналось со 2-го курса, определены были особые преподаватели»: прикладную механику читали майор Корпуса Путей Сообщения, инженер-мостостроитель С.В.Кербедз и майор И.И.Евреинов, преподававший архитектуру и курсы виртуального черчения и рисова-

этих машин преподавал капитан того же Корпуса, инженер-архитектор Н.А.Безпалов; техническую химию читал адъюнкт А.А.Воскресенский, а собственно технологию — преподаватель университета П.С.Усов. По поводу преподавания технологии нужно сказать следующее: в соответствии с университетским Уставом 1835 г. технология, вкупе с сельским хозяйством, лесоводством и архитектурой, входила в учебный план отделения естественных и математических наук философского факультета (позднее преобразованного в физико-математический факультет), однако на деле в СПбУ не преподавалась, а лекции по сельскому хозяйству и лесоводству читал уже упомянутый Усов, окончивший университет, но не имевший ученого звания. Вероятно, в процессе обучения «реалистов» определенные недостатки преподавания неспециалиста компенсировались отличными лекциями по близкой к технологии технической химии; Воскресенский же, как следует из отчетов ректора СПбУ П.А.Плетнева, «нередко сопровождал студентов реально-технического отделения на любопытнейшие заводы и фабрики, чтобы показывать им действия науки в самом их применении к жизни». Но так или иначе, а программа специальной подготовки «реалистов» вполне соответствовала курсу обучения в реальных классах при гимназиях и училищах.

В декабре 1842 г., донося о хороших успехах студентов реального отделения, кн. Г.П.Волконский (исправляющий должность попечителя СПб учебного округа) просил Уварова заблаговременно озаботиться их распределением, поскольку в июне 1843 г. они окончат университет; а также, при необходимости подготовить следующую группу учителей, побеспокоиться о финансировании. В это время в университете Св.Владимира в Киеве оказалась вакантной кафедра технологии, и МНП заинтересовалось, нельзя ли из числа студентов реального отделения подготовить кого-либо к профессорской деятельности. Совет СПбУ рекомендовал двоих — Ильенкова и Коссова, но при условии завершения образования за границей; кн. Волконский отдал предпочтение Павлу Антоновичу Ильенкову, «и по возрасту старшему, и оказавшему в трех первых курсах отличные успехи во всех предметах». Министр финансов дал согласие на оплату поездки Ильенкова за границу на 2 года, а также на подготовку еще одной группы учителей для реальных классов.

В июне 1843 г. студенты реального отделения окончили университетский курс: Ильенков с отличием и степенью кандидата, остальные — кандидатами, кроме Глушицкого, вышедшего из университета действительным студентом (т.е. без защиты диплома); и уже 1 июля было исходатайствовано Высочайшее повеление на командирование Павла Антоновича Ильенкова в Германию, Францию, Швейцарию и Англию «для усовершенствования в теоретических и практических сведениях по части технологии». С распределением остальных выпускников дело обстояло не так просто.

Как мы помним, реальные классы решено было открыть одновременно с реальным отделением для подготовки учителей. Разумеется, все вакансии в реальных классах гимназий и училищ и в III московской гимназии оказались уже занятыми. В ответ на запрос МНП по поводу вакансий попечитель московского учебного округа сообщал, что в московском университете готовят для сего двух своих студентов, а в Туле нет вакансий в реальных классах и тамошними учителями он доволен; в белорусском учебном округе преподавание химии и технологии в реальных классах уже было поручено учителям математики, а перевести их, чтобы освободить места, в округе некуда; подобный ответ был получен и от харьковского попечителя. В результате Уваров попросил кн. Волконского приостановить новый набор студентов в реальное отделение СПбУ; приготовленных же учителей технических наук он, недвусмысленно

указывая на Высочайшее повеление от 29 марта 1839 г., распределил следующим образом: кандидат Мудров был назначен сверхштатным учителем математики в Белостокскую гимназию, с поручением преподавания технических наук в реальных классах; кандидаты Федоров и Андриевский-Александрович — учителями технических наук в реальных классах при Курской и Тульской гимназиях, впредь до открытия вакансий учителей математики (именно так! — Л.Б.).

К концу сентября 1843 г. в СПбУ все еще оставались двое — Коссов и Глушицкий. Их решено было определить в здешнем учебном округе на сверхштатные должности, но директора четырех столичных гимназий не нашли ни возможности к тому, ни надобности, а губернские гимназии не имели достаточных для сего средств.

Повторно были опрошены попечители учебных округов, повторно пришли отказы, а киевский попечитель добавил, что даже для выпускников университета Св.Владимира в округе недостает вакансий. В середине октября два горемыки, «износив казенную одежду и не имея возможности сделать одежду на свой счет», просят у университета (и получают) небольшое пособие в счет будущего жалованья.

Наконец, одному из них повезло: 17 января 1844 г. из МФ в МНП пришло сообщение о том, что председатель московского отделения Мануфактурного и Коммерческого Совета барон А.К.Мейендорф, «узнав лично Коссова и получив об нем самые лестные отзывы» от попечителя столичного учебного округа, ходатайствует об отправлении Коссова за границу на счет МФ, подобно Ильенкову, и 17 марта Коссов уехал за границу. Глушицкого же Уваров назначил учителем технических наук в Виленскую гимназию сверхштатно, впредь до поступления его в штат этой гимназии.

Итак, в 1844 г. четверо из шести студентов-реалистов приступили к преподавательской деятельности, двое готовились к профессоруре. Между тем в структуре СПбУ к 1843/44 академическому году произошли заметные изменения. Задавшись целью упорядочить не только среднее, но и университетское образование, Уваров еще в 1841 г. запросил мнения попечителей учебных округов о необходимости каких-либо изменений в учебных программах факультетов. 31 октября кн. Волконский представил министру проект распределения наук по факультетам, разработанный Советом СПбУ в соответствии с «внутренним логическим строением их (наук. — Л.Б.) между собою», а также «требованиями практической жизни». В проекте из курса 1-го отделения философского факультета, названного филологическим, исключались политэкономия, статистика, право народов и дипломатия, т.к. эти предметы «составляют особый класс наук камеральных», к которым необходимо примыкают такие науки, как технология и т.п. Идея проекта была заимствована из практики европейских университетов, где существовали политико-экономические факультеты, готовившие студентов к хозяйственной или административной деятельности. «Одним словом, учреждения особого класса камеральных наук составило бы эпоху в истории нашего образования» — утверждал Совет СПбУ. (В декабре того же года похожий план создания «отделения хозяйственных наук», и тоже по примеру Европы, появился у попечителя казанского учебного округа М.Н.Мусина-Пушкина. Выпускники этого отделения, по его мнению, могли бы найти себе применение в министерствах государственных имуществ, финансов, уделов, а также в качестве управляющих имениями и промышленными предприятиями, т.е. составить «класс людей, которых теперь в России вовсе нет».) Однако ввиду обстоятельств, сложившихся к этому времени в МНП, перемены в университетском преподавании были отложены до 1843 г.: только 11 июня новое распределение предметов в СПбУ было утверждено, в виде описанного на 4 года дог. 1843/44 учебного

го года в составе юридического факультета появился камеральный разряд (отделение). К нему причислили и вновь созданную кафедру технологии, «как одного из главнейших камеральных предметов», на которую был избран экстраординарным профессором доктор химии Воскресенский.

В августе 1845 г. в С.-Петербург вернулся Ильенков. Во время командировки он слушал лекции Э.Митчерлиха (Митчерлиха), Г.Г.Магнуса и Г.Розе в Берлине, занимался в Париже у Ж.Б.А.Дюма, М.Э.Шевреля и др., работал в знаменитой лаборатории Ю.Либиха. 22 сентября Ильенков прочел пробную лекцию о технологии и ее отношении к естественным наукам, 17 октября был утвержден исправляющим должность адъюнкта по разряду камеральных наук юридического факультета. Спустя полтора года он защитил магистерскую диссертацию «О химическом процессе приготовления сыров» и стал сначала адъюнктом (с 5 июля 1847 г.), а затем экстраординарным профессором (21 апреля 1850 г.) по кафедре технологии. Фактически же Ильенков занимал эту кафедру с 1846 г., т.к. Воскресенский перешел на вакантную кафедру химии.

Параллельно с преподаванием технической химии и технологии в СПбУ Ильенков вел занятия по химии в офицерских классах Инженерного училища (1848—1850), был инспектором классов в Технологическом институте (1850—1851), консультировал Комитет о построении Исаакиевского собора по вопросам химии, физики и технологии и даже, состоя членом Артиллерийского отделения Военно-Ученого комитета при Военном министерстве, был в июле 1854 г. «командирован в Германию а) для исследования вновь изобретенного способа скорого добывания селитры, б) для осмотра порохового завода в Вестфалии и с) для рассмотрения метательного снаряда, изобретенного бароном Геллером фон Равенсбургом». В 1851 г. Ильенков написал и издал «Курс химической технологии» — первое руководство такого рода на русском языке (2-е изд. — СПб., 1862). В 1855 г. он покинул университет и занял должность директора образцового сахарного завода гр. А.А.Бобринского, известного всей России «сельского хозяина», но спустя несколько лет вернулся к преподавательской деятельности в качестве профессора Петровской сельскохозяйственной академии.

Ильенкова безусловно можно назвать первым профессором технологии Санкт-Петербургского университета. Его лекции и его учебник, а также созданная при его непосредственном участии, вплоть до пожертвования им годового адъюнктского жалования (500 руб.), техническая лаборатория в значительной степени способствовали распространению в России «технических познаний».

Иначе складывалась жизнь второго «профессорского» стипендиата, Илдефонса Казимировича Коссова. Отправленный, подобно Ильенкову, в заграничную командировку, он весьма бурно начал свою карьеру. Обстоятельства его пребывания в Европе напоминают авантурный роман.

Из официального отчета Коссова о поездке явствует, что только в одной Германии он пробыл почти весь назначенный ему срок. Лишь в январе 1846 г. Коссов приезжает в Париж и сразу обращается в русское посольство «с просьбой о выдаче ему заимообразно в пособие 1200 франков, в которых он имеет крайнюю нужду, задолжав значительную сумму в Страсбурге, где болезнь его задержала около восьми месяцев», а в СПбУ, письмом, — с просьбой о продлении командировки на полгода (срок возврата был 17 марта 1846 г.). «Время это, — докладывал попечитель петербургского учебного округа Уварову, — он (Коссов) намерен провести в Париже. Коссов объясняет при сем, что во все полуторогодичное пребывание в Берлине и Гиссене он не имел случая заняться надлежащим образом ни прак-

тической механикою, ни механической технологией потому, что предметы эти не читались в надлежющей полноте и в городах этих нет ни хороших собраний моделей машин, ни нужных по этим частям книг. Таким образом, почти все время пребывания в Германии он принужден был заниматься преимущественно химией и химической технологией. Для практической механики и механической технологии он думал употребить 4 или 5 месяцев, которые предполагал провести в Париже, но на пути в оный, по болезни, более 2-х месяцев (во всех последующих документах болезнь длится также только 2 месяца. — Л.Б.) пробыл в Страсбурге, и потому ему остается только недель семь пробыть в столице Франции...». Деньги Коссову были немедленно выданы, но послан в Париже, Н.Д.Киселев, попросил МНП вернуть долг посольству и пояснил при этом, что сделано сие было в виде исключения, поскольку молодые люди, посылаемые за границу, не поручаются покровительству посольства.

Раздав долги, Коссов оказался не в состоянии вернуться в Россию, о чем также сообщал в упомянутом письме в Петербург, поэтому просил либо пособия на обратную дорогу, либо продления командировки с соответствующим содержанием. Попечитель представил дело на усмотрение Уварова, пояснив при этом, что 1) денег на пособие Коссову университет не имеет и 2) «что для Коссова при С.Петербургском университете нет никакого места в виду» (в СПбУ уже преподавал технологию Ильенков). Уваров, в свою очередь, изложил дело министру финансов; тот согласился содержать Коссова еще полгода за границей, но с условием, что Высочайшее соизволение на это исходатайствует Уваров. Командировка была продлена до 17 сентября 1846 г., содержание Коссову выслали. Однако в маршруте значилась еще и Англия, и вот в сентябре из Лондона в МНП поступает просьба вернуть российскому консульству 30 фунтов стерлингов, выданных Коссову 12 сентября (за 5 дней до окончания командировки) по прошению, в котором он объяснял нужду в деньгах следующим образом: «...возвращаясь в Россию, прибыл в Англию для осмотра важнейших фабрик и заводов, сообразно данной мне инструкции ... но путешествия по Англии, как я теперь вижу, стоят так дорого, что я с своими денежными средствами никак не могу поехать в мануфактурные города. /.../. Без этого заимообразного пособия цель моего путешествия в Англию вовсе не может быть достигнута». Деньги Коссов получил, но до английских мануфактур так и не доехал, а заглянул в Политехнический музей и отправился через Гамбург в Берлин.

15 октября Уваров получил письмо из Императорской Российской миссии в Берлине о том, что Коссов обратился к ним «с просьбой снабдить его 200 талерами на возвратный путь в Россию». (Кстати, посланник, барон П.К.Мейендорф, подписавший письмо, доводился братом тому барону Мейендорфу, который хлопотал о командировании Коссова за границу, что придает всей истории некоторое изящество и определенную завершенность). Талерами Коссова снабдили, и в конце октября он вернулся в Петербург.

В министерстве подсчитали его долги: всего он должен был уплатить из будущего жалования 690 р. 19,5 к. серебром — сумма огромная для начинающего преподавателя. По существующим в России законам, вычет не должен был превышать трети жалования, и таким образом, выплата долга «будет продолжаться более 3 1/2 лет, если определен будет адъюнктом в Харьков», т.е. в Харьковский университет. Министр не замедлил определить Коссова адъюнктом «в Харьков на технологию».

Но и это еще не все. Пока суть да дело, Коссов попросил еще 300 рублей серебром, опять же в счет будущего жалования. На этот раз господин министр изволил отказать. Спустя несколько дней Коссов обратил-

ся к товарищу министра, кн. А.П.Ширинскому-Шихматову, несколько умерив аппетит — всего за 100 рублями. Князь, человек мягкий и отзывчивый, наложил резолюцию: «согласен, но в последний раз». Наконец, в январе 1847 г. назначение в Харьков было Высочайше утверждено, и в начале февраля Коссов отправился на место службы.

Осенью 1848 г. Коссов обратился в Правление Харьковского университета с просьбой исходатайствовать ему прощение казенного долга или, по крайней мере, отсрочку вычета — ввиду невозможности прожить на «31 рубль с копейками в месяц». Сообщая об этом Уварову, харьковский попечитель писал: «Не зная, в какой мере справедливы обстоятельства, прописанные в прошении Коссова, и полагая, что сложение с него казенного долга по одному лишь снисхождению послужило бы дурным примером для тех молодых людей, которые будут, подобно ему, отправляемы за границу, я не могу со своей стороны ходатайствовать у Вашего Сиятельства о совершенном сложении с Коссова этого долга; но нахожу справедливым просить Ваше Сиятельство об освобождении Коссова от вычета из жалования в течение одного года, в том предположении, что по представлении и защите диссертации, в дополнение к оконченному уже им экзамену на степень магистра технологии, он приобретет право на повышение его в звании экстраординарного профессора ... тогда при большем жаловании вычет будет для него менее тягостным». Уваров согласился на отсрочку, но и в конце 1853 г., когда последний вычет из жалования Коссова был выслан в МНП, сам Коссов все еще был в должности адъюнкта, хотя магистерскую диссертацию «О механическом прядении льна» защитил еще в 1850 г. и тогда же был представлен советом университета к производству в экстраординарные профессора. Однако попечитель представление не одобрил, считая, что адъюнкт Коссов пока «не выразил никакого отличия», к тому же «он (Коссов) ходатайствует о командировке за границу для практического усовершенствования в науках, что должно доказывать недостаточную законченность и теоретической подготовки передачи сведений слушателям». В 1854 Коссов сделал попытку перейти в университет Св.Владимира на профессорскую должность, но перевод в конечном итоге не состоялся, поскольку осенью этого года последовало повторное представление совета Харьковского университета, и 20 июля 1855 г. Коссов был утвержден экстраординарным профессором, а в 1857 г. — ординарным. В течение 1854—1859 гг. Коссов, за отсутствием преподавателей, читал также лекции по химии на физико-математическом и медицинском факультетах. Он много занимался «техническим кабинетом», пополняя его пособиями, купленными во время командировок. Путешествовать Коссов по-прежнему любил и постоянно ходатайствовал о командировках если не за границу, то хотя бы по России; при этом, как отметил биограф, он «не любил заниматься занесением всего вынесенного из посещения фабрик на бумагу», посему и ученых трудов не оставил. В Харьковском университете Коссов состоял по 1866 г. включительно, затем перешел профессором химической технологии и металлургии в Императорское московское техническое училище.

27 марта 1848 г. Уваров запрашивает МФ о возможности оплаты обучения новой группы студентов с целью приготовления учителей технических наук. Получив согласие министра финансов, он обращается к петербургскому попечителю с просьбой избрать для сего «шесть отличнейших студентов». В июле попечитель сообщает в МНП: «Ныне совет университета представил мне следующие заключения Второго отделения философского факультета: 1) студенты реального отделения должны слушать лекции вместе со студентами математического разряда, за исключением теории чи-

сел, теории эллиптических функций, небесной механики, теоретической и практической астрономии и теории света; зато они будут слушать лекции вместе со студентами камерального отделения и кроме того им будут преподаваться особенно следующие предметы: практическая механика, курс построения, практические упражнения в аналитической и преимущественно в технической химии, черчение машин с применением правил начертательной геометрии; 2) студенты реального отделения должны быть избираемы не при вступлении в университет, но из тех студентов разрядов математических или естественных наук, которые при внешнем переводном экзамене переведены из 1-го курса во 2-й курс». Специализация, таким образом, началась только со второго курса, поэтому совет СПбУ предлагал избрание преподавателей отложить до будущего года, соответственно и студенты поступали на казенное содержание не на 4, а на 3 года. Кроме расходов на содержание студентов и жалование преподавателям, планировались затраты «на экскурсии студентов для технической цели в течение 2-х лет» и на химическую лабораторию.

Зимой 1849 г. в реальном отделении учились 6 студентов. Пятеро были приняты советом СПбУ — Собеслав Островский, Николай Иванов, Василий Рейро, Василий Юркевич, Николай Сухаржевский; шестой числился в некотором роде условно. Это был Михаил Скобликов, перешедший в СПбУ из Казанского университета, но не представивший свидетельство о своих успехах. Несколько позже к ним присоединились еще двое — Людвиг Янчевский и Карл Ценковский, обучавшиеся за свой счет.

На втором курсе студенты реального отделения занимались дополнительно только одним из специальных предметов — черчением; остальные начинались с 3-го курса. Техническую химию читал Ильенков, практическую механику — адъюнкт П.Л.Чебышев, черчение по-прежнему преподавал Безпалов, к тому времени уже подполковник Корпуса Путей Сообщения, а для преподавания архитектуры и курса построения был приглашен подполковник того же корпуса, инженер А.К.Красовский.

В 1851 г. «реалисты» должны были закончить университет. МНП запросило попечителей учебных округов о наличии вакансий для учителей в гимназиях с реальными классами. Как и в 1843 г., попечители ответили отрицательно. К концу сентября ситуация была такова: Скобликов, Сухаржевский и Островский окончили университет кандидатами, Юркевич — действительным студентом, Иванову для получения степени кандидата оставалось сдать экзамен по Богословию, а студент Рейро по болезни не экзаменовался вовсе. О своеобразных студентах Янчевском и Ценковском сведений в указанном деле нет, вероятно, по той причине, что они не подлежали обязательному распределению.

Тогда министерство потребовало сведений о вакансиях в университетах, но ни в одном из них таковых не оказалось. В конце концов к лету следующего, 1852-го, года пятеро из шести выпускников были определены учителями математики на освобождавшиеся в течение года в результате кадровых перемещений и увольнений места в различные гимназии, а Михаил Васильевич Скобликов выразил желание остаться при университете «для достижения степени магистра», с чем попечитель петербургского учебного округа был вполне согласен.

В отличие от своих предшественников, Скобликов не сразу поехал за границу. С осени 1852 г. до весны 1853 г. он сдавал в университете магистерские экзамены по химии, физике, минералогии и геогнозии, готова в то же время диссертация. 5 апреля 1853 г. состоялась публичная защита его труда, названного «Исследование красильных веществ, а именно фиолетового, желтого, красного, найденных в цветах желтой ромашки». Скобликову

была присвоена ученая степень магистра, но не технологии, а химии — видимо, потому, что его диссертация относилась к области органической химии, хотя выбор темы и мотивировался, так сказать, «производственной необходимостью», вызванной употреблением на московских ситцепечатных фабриках краски из желтой ромашки (пулавки), ранее химиками не исследовавшейся.

Вакансии в СПбУ не было, но уже существовал институт приват-доцентуры, и Скобликов, защитив диссертацию pro venia legendi (на право чтения лекций) под названием «Разбор теории севооборотов», 25 декабря 1853 г. был утвержден по ходатайству физико-математического факультета «в звании приват-доцента, без жалованья, но с правами службы» (т.е. получения чинов, выслуги лет и т.д.), с поручением ему чтения курса аналитической химии и практических занятий со студентами в лаборатории.

В мае 1855 г. в связи с увольнением Ильенкова освободилась кафедра технологии, но чтобы быть избранным на ту кафедру, Скобликов должен был иметь соответствующую ученую степень — по технологии. Летом он побывал на промышленных предприятиях центральной России, с осени, будучи назначен исправляющим должность адъюнкта по кафедре технологии, читал лекции и готовил вторую магистерскую диссертацию «Разбор фабрикации лаков и процесса высыхания масел». После ее защиты 18 ноября 1856 г. он был избран в совете СПбУ экстраординарным профессором и утвержден в этом звании 6 марта 1857 г. Немного раньше в МНП поступило ходатайство петербургского попечителя о командировании Скобликова с мая по ноябрь в Германию, Бельгию, Францию и Англию; во время поездки он собирался посетить учебные заведения и промышленные предприятия, а также познакомиться («сблизиться») с известными химиками и технологами Европы.

Помимо преподавания, Скобликов много занимался научно-просветительской работой. С 1854 г. он редактировал «Мануфактурные и Горнозаводские известия» (издание МФ), в 1858 г. издавал «Технические записки», для которых много писал сам; его статьи публиковались также в «Вестнике промышленности». По поручению Вольного Экономического Общества он предпринял издание ряда технических руководств, но успел сделать немного (по крахмальному, свеклосахарному и кожевенному производствам, причем последнее издано посмертно, уже под редакцией Д.И. Менделеева, которому Скобликов передал эту работу). Но времени ему было отпущено немного: в 1860 г. он прекратил чтение лекций в университете по болезни и уехал для лечения за границу, где и скончался в 1861 г. в возрасте 36 лет.

Итак, итогом существования реального отделения в СПбУ в 1839—1843 и 1849—1851 гг. была подготовка трех преподавателей для высшей школы и девяти учителей, преимущественно математики, для средней. Трудности с распределением выпускников мож-

но объяснить, с одной стороны, совпадением во времени процессов открытия реальных классов и подготовки для них учителей, с другой же — тем, что потребность русского общества в технических познаниях оказалась несколько преувеличенной в глазах правительства. Общество по-прежнему отдавало предпочтение выслуге чинов, нежели участию в промышленных и сельскохозяйственных производствах; об этом свидетельствует введение в гимназическое образование с конца 1830-х гг. законовведения, сначала «по желанию дворянства» в качестве дополнительного предмета, а позже ставшего обязательным и дававшего право по окончании гимназии с отличием начать службу в чине 14 класса; это же подтверждает и казус, случившийся в 1850 г. в Министерстве земледелия и государственных имуществ.

В 1845 г. это министерство возглавлял гр. П.Д. Киселев, мечтавший об освобождении крестьян и полагавший необходимым вооружить к моменту реформы возможно большее число граждан сельскохозяйственными познаниями. Он обратился к Уварову с тем, чтобы лекции по сельскому хозяйству слушали студенты всех факультетов, а не только того, где они обязательны; для «большого побуждения студентов» Киселев предложил включать результаты обучения в аттестат, «чтобы это давало университетским воспитанникам преимуществу при определении их на службу по ведомству Министерства Государственных Имуществ». Уваров считал сие лишним и несогласным с уставом и целью учреждения университетов: сельское хозяйство преподается в отделениях естественных наук философских факультетов либо в камеральных отделениях, где они есть, обязать же студентов прочих отделений посещать эти лекции — не значит получить хороших агрономов.

Тогда Министерство государственных имуществ в своем ведомственном журнале объявило о том, «что по ведомству Государственных Имуществ будут определяемы на службу преимущественно те молодые люди, кончившие курс в университетах, кои, сверх предметов своего факультета, слушали с успехом курс агрономических наук», о чем университеты выдавали отдельные свидетельства (это было согласовано с МНП). Однако министерство не уточнило при этом, что по общему для всех поступающих на службу в министерские департаменты и канцелярии порядку молодые люди должны были иметь стаж службы в губерниях не менее 3 лет, и в 1850 г. выпускники университета, имевшие означенные свидетельства, осаждали министерство «просьбами об определении их на службу; прямо в Департамент Сельского хозяйства, ссылаясь на объявление...».

Правда, и законовведение долго в гимназиях не продержалось, и камеральные отделения оказались нежизнеспособными, но это уже другая история.

Л.Б. БОНДАРЕНКО, сотрудник Музея Д.И. Менделеева